

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-157-168

© Т. В. Мисникевич, © А. С. Александров

**А. А. ИЗМАЙЛОВ И И. И. ЯСИНСКИЙ:
ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ДИАЛОГ***

Имена Александра Алексеевича Измайлова (1873–1921) и Иеронима Иеронимовича Ясинского (1850–1931), без преувеличения, чрезвычайно значимы для истории русской литературы и журналистики конца XIX — начала XX века. Первый из них — «царь всех пародистов», по определению К. И. Чуковского,¹ популярный критик, которого знали в начале XX века «почти все пишущие, живущие в Петрограде <...> и обширные читательские круги»,² второй — прозаик, редактор газеты «Биржевые ведомости» и выступающий под псевдонимом «Независимый» ее корреспондент, а также основатель ряда других периодических изданий. Однако долгое время, прежде всего в силу идеологических причин, они в значительной степени пребывали в забвении. С начала 1990-х годов Измайлов и Ясинский попали в сферу постоянного исследовательского интереса, а в 2000-х стали появляться в печати первые после долгого перерыва их творческие и биографические материалы.³ Несомненно, полноценной научной публикации заслуживает и многолетний эпистолярный диалог литераторов.⁴ Особенно важно, что этот диалог переключается с многочисленными, близкими по времени, параллельными диалогами Измайлова и Ясинского с современниками, в том числе с А. А. Блоком, В. Я. Брюсовым, К. Д. Бальмонтом, А. М. Ремизовым, В. В. Розановым, Л. Н. Андреевым, Ф. К. Сологубом, А. В. Амфитеатовым, А. Ф. Кони. Впечатляет и число имен активных участников литературной и культурной жизни 1890–1910-х годов, упомянутых в данной переписке: Л. Н. Толстой, И. Л. Щеглов-Леонтьев, Д. С. Мережковский, П. Д. Боборыкин, Ф. Ф. Фидлер, С. М. Проппер, М. М. Гаккебуш, Н. Н. Брешко-Брешковский, Ф. Н. Фальковский, Валериан Светлов, С. Н. Шубинский, К. С. Баранцевич, З. А. Венгерова, Анна Мар, Наталия Грушко, Павел Радимов и многие другие. Соответственно, диалог Измайлова

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-78-10012: «Писатель — критик — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX–XX веков)», <https://rscf.ru/project/19-78-10012/>, ИРЛИ РАН.

¹ Чуковский К. И. Наг Пинкертон и современная литература // Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. 2-е изд., электронное, испр. М., 2012. Т. 7 / Предисловие и комм. Е. Ивановой. С. 57.

² Кауфман А. Памяти А. А. Измайлова // Вестник литературы. 1921. № 3 (27). С. 12.

³ См., например: Измайлов А. А. 1) Кривое зеркало: Книга пародии и шаржа / Подг. текста, вступ. статья, комм. Е. В. Хворостьяновой. СПб., 2002; 2) Лесков и его время / Подг. текста О. Л. Фетисенко, А. С. Александрова; преамбула А. С. Александрова // Н. С. Лесков: классик в неклассическом освещении. СПб., 2011. С. 157–435; 3) Переписка с современниками / Сост., вступ. статья А. С. Александрова; предисловия, подг. текстов и прим. А. С. Александрова, Э. К. Александровой, Н. Ю. Грякаловой. СПб., 2017; Переписка А. А. Измайлова и И. Л. Леонтьева (Щеглова) (1904–1911) / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. С. Александрова, О. Л. Фетисенко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы / Отв. ред. Т. С. Царькова. СПб., 2019. С. 227–270; Ныльм Е. 1) Литературная позиция Иеронима Ясинского (1880–1890-е годы). Тарту, 2003; 2) Журнал Иеронима Ясинского «Ежемесячные сочинения» как предтеча модернистских периодических изданий начала XX века // Русская литература. 2019. № 2. С. 103–111; Ясинский И. И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний / Сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд; вступ. статья Л. Л. Пильд; комм. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010. Т. 1–2; Переписка Ф. К. Сологуба и Ан. Н. Чеботаревской с И. И. Ясинским / Вступ. статья, подг. текста и комм. Т. В. Мисникевич // Русская литература. 2019. № 3. С. 122–133. Переписка Л. Н. Андреева и И. И. Ясинского / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. С. Александрова // Русская литература. 2021. № 3. С. 70–84.

⁴ Краткий очерк истории отношений Измайлова и Ясинского и переписка 1915–1916 годов представлены в публикации: Александров А. С. Переписка А. А. Измайлова и И. И. Ясинского (1915–1916 гг.) // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа: коллективная монография / Отв. ред. и сост. А. А. Холиков, при участии Е. И. Орловой. М., 2021. С. 375–399.

и Ясинского не только выявляет нюансы взаимоотношений двух критиков и проясняет те или иные моменты в биографии каждого из них, но и захватывает литературное поле в целом. Измайлов и Ясинский выполняли на нем роль ключевых игроков, поскольку определяли политику крупных популярных изданий и принимали участие в формировании литературных репутаций писателей самых разных направлений. В настоящей статье мы постараемся обозначить, какие темы, герои и события эпохи оказались в центре обсуждения Измайлова и Ясинского.

Точкой отсчета для осмысления более чем двадцатилетней переписки литераторов могут послужить мемуары Ясинского «Роман моей жизни». В их печатной прижизненной версии, подвергнутой значительным сокращениям, Измайлов упомянут лишь несколько раз, наиболее содержательно: в главе 55 «1896» — в связи с началом редакторской деятельности в газете «Биржевые ведомости» («Вместо бесцветного Дубинского, писавшего под именем Полтавского литературно-критические заметки, я пригласил Измайлова»⁵); в главе 62 «Л. Н. Андреев», посвященной писателю, с которым Измайлов и Ясинский поддерживали дружеские отношения и часто бывали у него в гостях;⁶ в главе 63 «1910–1911» — как автор статьи, приуроченной к 40-летию творческой деятельности Ясинского, и организатор юбилейного вечера («Я же просил, чтобы крестьянские и рабочие депутаты, приносившие мне поздравления, были приглашены бесплатно на вечер. Измайлов, член комитета, извинился. Он искренно хотел, чтобы рабочие были, но кто-то отменил»⁷); в главе 65 «1913–1917» — как редактор «Петербургского листка», коллега по цеху, с которым произошло расхождение во взглядах после февраля 1917 года, но сохранились добрые дружеские отношения.⁸

Эта намеченная пунктиром образно-сюжетная линия, представляющая роль Измайлова в жизни Ясинского: перспективный сотрудник «Биржевых ведомостей»; участник совместных дружеских посиделок; человек левых убеждений, проявляющий симпатии к рабочим; поклонник творчества Ясинского; представитель интеллигенции, выбравший ложные ориентиры в ходе русской революции, — реализована в главе «А. А. Измайлов» в полном тексте «Романа моей жизни».⁹

Нельзя не учитывать, что свои воспоминания Ясинский писал в зрелые годы, причем уже в советское время, а потому многие реалии и факты дореволюционной жизни он подавал с учетом требований новой эпохи. Это отчасти относится и к главе об Измайлове. Однако в целом она выделяется высокой и объективной оценкой деятельности критика, а проникновенная интонация мемуариста определена чувством скорби и вызвана его преждевременным уходом.¹⁰ Безусловно, это связано и с тем, что Измайлов неизменно относился к Ясинскому, имевшему далеко не однозначную репутацию в литературных кругах,¹¹ с чувством дружеской симпатии и ценил его литературное

⁵ Цит. по первому изданию: *Ясинский Иер.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний. М.; Л.: ГИЗ, 1926. С. 287. Дубинский Михаил Игнатьевич (псевд. Н. Полтавский) — журналист, критик, писатель.

⁶ Там же. С. 310.

⁷ Там же. С. 314.

⁸ Там же. С. 324–326.

⁹ См.: *Ясинский И. И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний... 2010. Т. 1. С. 532–542.

¹⁰ Ясинский точными штрихами наметил основные черты облика Измайлова: «Он был истинный петербуржец, ему нравилось вращаться в литературных кругах <...> Вся моя семья искренно любила его. Он умел подходить к людям с дружеским расположением, с дружеским советом, с участливыми вопросами об их радостях или горе и всегда сочувствовал им непритворно, у него был такой склад души» (Там же. С. 536).

¹¹ К примеру, А. В. Скабичевский характеризовал Ясинского следующим образом: «Он привык вращаться в мире пошлости и грязи до такой степени, что ему трудно и представить себе такие душевные движения и страсти, которые возвышались бы над пошлостью» (*Скабичевский А.* Литературная хроника. Трагики, роман И. Ясинского. СПб., 1889 г. // *Новости и Биржевая газета.* 1889. 20 июля); см. также записи о неблагоприятном поведении Ясинского в дневнике Ф. Ф. Фидлера (*Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: Характеры и суждения / Вступ. статья, сост., пер. с нем., прим., указатели и подбор иллюстраций К. М. Азадовского. М., 2008. С. 46, 70, 164).

творчество. Так, на титульном листе своего сборника повестей и рассказов «Рыбе слово» (СПб., 1903) он оставил следующую запись:

«Критик Измайлов не весьма высокого мнения о беллетристе Измайлове и если решится рекомендовать его новый грех дорогому Иерониму Иеронимовичу, то единственно в силу близости его начинающему автору и в надежде на обычную, хорошо изведенную дорогу и снисходительность своего литературного учителя, глубоко уважаемого и нелицемерно любимого

1903 г. янв. 22.

СПб».¹²

Измайлов посвятил Ясинскому отдельную главу в книге «Литературный Олимп», тем самым включив его в число наиболее значимых и оригинальных писателей эпохи рубежа веков.¹³

Материалы переписки Измайлова и Ясинского позволяют существенно дополнить историю личных отношений литераторов и их многолетнего сотрудничества, прокомментировать ряд позиций «Романа моей жизни» и специфику отдельных приемов Ясинского-мемуариста. Они рассредоточены в трех архивохранилищах: в Рукописном отделе Пушкинского Дома — 59 писем Ясинского 1897–1917 годов в фонде Измайлова (Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 392), 6 писем Измайлова 1919–1920 годов в фонде Ясинского (Ф. 352. Оп. 2. Ед. хр. 310); в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки — 67 писем Измайлова 1903–1918 годов в фонде Ясинского (Ф. 901. Ед. хр. 752); в РГАЛИ — 7 писем Ясинского 1912–1916 годов в фонде Измайлова (Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 185). При общем довольно внушительном объеме и временной продолжительности (1897–1920) переписка не отличается особой интенсивностью, лишь в отдельные годы она насчитывает свыше десяти писем (1908, 1910, 1911, 1916).

Наметим ее основные тематические блоки. Важнейший и занимающий наибольший объем — это сотрудничество в изданиях С. М. Проппера «Биржевые ведомости», «Огонек» и «Новое слово». Как уже отмечалось выше, именно Ясинский предложил начинающему литератору попробовать себя в качестве критика газеты «Биржевые ведомости».¹⁴ В частности, в одном из первых сохранившихся писем 1897 года Ясинский извещает Измайлова о размере гонорара за строку (по 25 копеек)¹⁵ и далее дает профессиональные рекомендации: «Дорогой Александр Алексеевич, очень прошу Вас не сердиться за сокращения, допущенные мною в Вашем фельетоне. Но мне хочется видеть в этом исключительный случай. Следовало бы писать только о художественных явлениях, а о личных довольствоваться краткими строками в „Б<иржевых> В<едомостях>“. Еще просьба: статьи, которые обрабатываются Вами, необходимо править на ложе Прокруста — более 200–250 строк не должно быть по условиям газетного дела».¹⁶

Неудивительно, что в письмах прежде всего обсуждаются текущие издательские дела: корректуры, гонорары, возможность напечатать то или иное произведение,

¹² РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 752. Л. 1. На титульном листе сборника пародий «Осиновый кол» Измайлов написал: «Дорогому Иерониму Иеронимовичу Ясинскому от искреннего почитателя Ореста Ядовиткина <псевдоним Ясинского. — Т. М., А. А.> на добрую память. 1915. 22. X. СПб.» (Там же. Л. 18).

¹³ См.: Измайлов А. Литературный Олимп. Лев Толстой, Чехов, Андреев, Куприн, Горький, Сологуб, Ясинский, Брюсов, Салиас, Соловьев: Характеристики, встречи, портреты, автографы. М., 1911. С. 399–417.

¹⁴ Об этом он впоследствии вспоминал в «Романе моей жизни»: «Я объявил ему (А. А. Измайлову. — Т. М., А. А.), что литературная критика, отдел, который я веду сам за неимением сотрудников, могла бы быть предоставлена ему, но что едва ли он может надеяться со временем на славу беллетриста, о которой он мечтает. Второстепенными беллетристами вымощен наш литературный ад, а что касается критиков, то даже второстепенные зоилы редки и без хлеба не сидят» (Ясинский И. И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний... 2010. Т. 1. С. 533).

¹⁵ ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 392. Л. 89. Записка на визитной карточке: «Иероним Иеронимович Ясинский. Редактор „Биржевых ведомостей“».

¹⁶ Там же. Л. 75.

литературные конкурсы и т. п. Они носят, скорее, деловой характер, но вместе с тем не лишены и некоторых эмоциональных оценок, прежде всего относительно личности самого Проппера. Так, в письме от 10 марта 1903 года Ясинский восклицает: «Вкратце отведу, что предложение, сделанное через Вас, не считаю серьезным, как не считаю и самого случайного собственника „Б<иржевых> В<едомостей>“ серьезным человеком. *Теперь* — не считаю. Будет время, когда он и 200 т<ысяч> не пожалеет, но будет поздно. Независимый — есть Независимый, а Проппер — есть Проппер».¹⁷ В письме от 5 апреля 1908 года, комментируя переданный через Измайлова отказ Проппера опубликовать рассказ в «Огоньке»,¹⁸ успокаивает своего коллегу: «Зачем, дорогой друг, Вы написали мне такое письмо: можно подумать, что Вы боялись, что меня очень огорчит возвращение рукописи. Меня возвращение ее не огорчило, право, — даже почти обрадовало. „Огонек“ сильно уже скомпрометировал себя, и только доброе и обязательное отношение к Станиславу Максимилиановичу заставило меня послать, по предложению Вашему, рукопись. Шерлоковщина воняет в „Огоньке“ до отвращения. Следовало бы убедить Станислава Максимилиановича, что только литература имеет теперь успех».¹⁹

Стилистика и содержание отзывов Ясинского о Проппере и его издательской политике в письмах к Измайлову вполне совпадают с многочисленными пассажами в «Романе моей жизни» и подкрепляют одну из ключевых сюжетных линий повествования: честный, борющийся за интересы сотрудников и качество материалов редактор vs. хитрый, корыстный, довольно недалекий издатель.²⁰ Несколько деталей историко-литературного характера, связанных с кадровой реорганизацией в «Биржевых ведомостях», и в частности уходом с поста фактического редактора газеты М. М. Гаккебуша, содержится в письме Ясинского от 30 апреля 1916 года. Этот сюжет отражен и в его мемуарах, в главе, посвященной событиям 1915–1916 годов, где приведены дополнительные подробности.²¹ В письме, направленном Измайлову после Октября 1917 года, Ясинский упомянул неоднократно повторенный на страницах мемуаров эпизод, связанный с якобы выдвинутым против него обвинением редакцией «Русского богатства», что он «обобрал г. Проппера».²²

Еще один важнейший аспект — сотрудничество Измайлова в журналах Ясинского «Ежемесячные сочинения» и «Беседа». Уважительный и деликатный тон писем Ясинского подтверждает, что он чрезвычайно ценил своего младшего коллегу. К примеру, в марте 1900 года Ясинский обратился к Измайлову с просьбой о статье для журнала «Ежемесячные сочинения»: «Позволю себе предложить Вам план статьи о „Воскресении“; надо, по-моему, выделить из романа главнейшие психологические портреты или типы: 1) Нехлюдов, 2) Катюша, 3) <?>, 4) вице-губернатор, 5) судьи,

¹⁷ Там же. Л. 3.

¹⁸ Несколько ранее Измайлов писал Ясинскому: «С<танислав> М<аксимилианович> возложил на меня тяжелую обязанность отсылки Вам рассказа, сделанного по его же просьбе. Вы поверите, до чего мучительно я сознаю необходимость выполнить его решение. Все материалы теперь читает он сам, и я прочитал рассказ уже только сейчас, по получении его для отсылки. Ради Бога, не сердитесь на меня. Я бы дорого дал, чтобы этого не было. Не могу и видеть его сейчас вторично, — он уже уехал из редакции. Размеры, что ли, его испугали?» (РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 752. Л. 58–59).

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 392. Л. 6.

²⁰ Ср., например, в главе 71: «Проппер, как хозяин, был, в сущности, очень несносен. Он во все вмешивался, называя себя только казначеем газеты, торговался с сотрудниками из-за каждой копейки, в особенности если расход выходил за пределы утвержденного им бюджета <...> так уже построено мир, что как только начинает везти капиталисту и он видимо на глазах у публики раздувается, все о нем кричат, восхваляют его ум, энергию, сплетничают о нем, тайно ругают, завидуют, а явно жмут ему руку, говорят комплименты, невольно убеждают его, что он умный человек, что, не будь у него семи пядей во лбу, ни за что бы ему не подняться и не возвыситься над другими умными людьми и не обратить их в своих рабов» (*Ясинский И. И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний... 2010. Т. 1. С. 513).

²¹ См.: Там же. С. 681–682.

²² Статья была опубликована после празднования 40-летнего юбилея литературной деятельности Ясинского. При общей негативной оценке деятельности критика подобного обвинения она не содержала. См.: *Пешехонов А.* На волне пошлости // Русское богатство. 1911. № 3. С. 93–97.

б) каторжане — что-либо в этом роде — и главками писать»,²³ и спустя некоторое время поблагодарил: «Очень хороша Ваша статья,²⁴ и в том как раз духе, какой нужен и каким я проникнут, так что жму Вашу руку как единомышленнику и товарищу по журналу».²⁵ В этом письме четко обозначено стремление Ясинского, уже накопившего опыт редакторской работы в «Биржевых ведомостях», самостоятельно, в открытую определять политику подчиненного ему издания и выбирать круг авторов. В «Романе моей жизни» он рассуждает о причинах появления первого собственного издательского предприятия следующим образом: «Мои народовольческие симпатии юности и антипатия к либералам <...> должны были склонить меня <...> к народившемуся тогда „черному переделу“, к плехановщине. <...> Довольно смутно, окруженный капиталистическими и монархическими догматами и уклонами, проводил я социал-демократическую линию в „Биржевых ведомостях“, но это был такой робкий и нерелефный подход, что мне остается краснеть, вспоминая о постоянных препятствиях, встречаемых мною на этом пути, остановках и уклонах. <...> не располагая ни одним органом, в котором я бы мог, как мне казалось, свободно писать <...>, я приступил к изданию собственного ежемесячного журнала».²⁶ Однако реальные установки «Ежемесячных сочинений» и привлекаемые авторы большей частью никак не вписывались в социал-демократическое направление. Программа журнала скорее отвечала позиции эстетизма: «Мы стоим в стороне, мы говорим то, что думаем, проникнутые любовью к нашей родной литературе; мы работники слова, поклонники прекрасного; мы отмежевали себе область, где нет мелких злоб дня, дрянных страстей, где нет журнальной сутолоки, где течет независимая мысль, ибо в наше время только в чистой литературе она независима и абсолютно свободна <...>».²⁷ Измайлов, столь приветствуемый в качестве участника одного из первых номеров этого издания, также не отличался каким-либо политическим радикализмом, что лишний раз подтверждает намеренную «перевертку» Ясинским-мемуаристом фактов собственной литературной биографии.

В переписке речь идет о сотрудничестве литераторов в ряде других печатных органов, в частности в газете «Слово»²⁸ и журнале «Образование», а также об их участии в литературных кружках и объединениях. Переписка 1915 года начинается с обсуждения публикации для «Журнала учителя» — нового печатного органа, задуманного Товариществом Сытина (предприятие, впрочем, не состоялось).

Несомненный интерес представляют письма личного характера, содержащие приглашения в гости, рассказы о заграничных поездках, об участии в юбилейных торжествах друзей-писателей, о подготовке к 40-летнему юбилею литературной деятельности Ясинского, отмечавшемуся в январе 1911 года. Эта часть переписки выявляет неподдельную теплоту и искренность отношений Измайлова и Ясинского. К примеру, 29 июля 1908 года Измайлов писал: «Дорогой Иероним Иеронимович, ценность познается тогда, когда ускользает здоровье, тогда, когда подходит болезнь. Приехал в СПб и толкаясь в нем вот уже с неделю, я горько ощутил Ваше отсутствие. Как бы чудно было теперь, при относительной свободе, посидеть за раками с беседой! Как хотелось бы, ч<тобы> Вы возвращались поскорее!»²⁹

Кроме того, в письмах 1910 года Измайлов уточнял сведения для раздела о Ясинском в готовящейся к печати книге «Литературный Олимп».³⁰ В частности, 5 сентября он попросил адресата предоставить «критические материалы» о себе и сообщить, не сократил ли тот «из скромности» отзыв о своей повести в письме Гончарова, опубликованном

²³ ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 392. Л. 78.

²⁴ См.: Измайлов А. Нехлюдовщина // Ежемесячные сочинения. 1900. № 2–3. С. 113–124.

²⁵ ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 392. Л. 42.

²⁶ Ясинский И. И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний... 2010. Т. 1. С. 544.

²⁷ Ред. [Ясинский И. И.]. Наш идеал подобен солнцу // Ежемесячные сочинения. 1901. Т. 2. № 5/6. Июнь. С. 5–7.

²⁸ См.: Переписка А. А. Измайлова и И. Л. Леонтьева (Щеглова) (1904–1911). С. 242.

²⁹ РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 752. Л. 40–41.

³⁰ Согласно «Книжной летописи» (№ 48. Вып. от 11 декабря 1910 года), «Литературный Олимп» вышел в свет в начале декабря 1910 года (запись № 27370). На титульном листе книги указан 1911 год.

ранее в журнале «Ежемесячные сочинения».³¹ В ответе Измайлову Ясинский ошибочно приписал Гончарову все рецензии на собственные произведения, опубликованные в журнале «Отечественные записки», и сообщил, что автограф письма подарил Ф. Ф. Фидлеру.³² Упомянутое письмо Гончарова от 11 апреля 1882 года было обращено к начинающей писательнице Э. А. Центковской. Автор «Обломова» прочел ее рассказ в рукописи, не рекомендовал его к печати, а посоветовал познакомиться с творчеством молодых современных прозаиков, чтобы та могла по достоинству оценить свои литературные способности. Здесь же Гончаров дал оценку одному из первых серьезных произведений Ясинского: «Из молодых, начинающих писателей можно, впрочем, указать на одного с явными признаками недюжинного таланта и значительного умения писать — это на г. *Максима Белинского* и на его повесть „Всходы“, напечатанную в мартовской книжке „Отеч[ественных] записок“».³³ Это письмо было впервые опубликовано Ясинским в журнале «Ежемесячные сочинения» без упоминания имени корреспондентки Гончарова и собственного псевдонима.³⁴ В книге «Литературный Олимп» имя Ясинского было раскрыто.³⁵ Писатель очень гордился высокой оценкой Гончарова и неоднократно подробно останавливался на этом эпизоде в своих мемуарах и автобиографических очерках.³⁶ Весьма польстила ему и статья Измайлова в целом. В автобиографии 1913 года, предназначенной для собрания С. А. Венгерова, Ясинский писал о книге «Литературный Олимп»: «Она уже два года у меня, я обо всех прочитал, а о себе оставил страницы неразрезанными. И только недавно, на одном вечере, в частном кружке любителей литературы и искусства, вдруг была вслух прочитана статья Измайлова в моем присутствии, и, признаться, это было жуткое чувство — сочетание острого стыда и странно болезненного — я не скажу удовлетворения, но чего-то в этом роде».³⁷

Тем не менее в главе об Измайлове в «Романе моей жизни» книга «Литературный Олимп» упомянута лишь вскользь: «<...> он (А. А. Измайлов. — Т. М., А. А.) отвел мне большое место и не без робости, но все-таки расхвалил меня как писателя».³⁸ Не исключено, что в 1920-е годы Ясинский, радикально сменивший свою «независимую» позицию, старался отмежеваться от образа «чистого художника», каким представил его Измайлов, сделав акцент на «внепартийности» и сопоставив с Н. С. Лесковым.³⁹

Рефреном через переписку двух современников проходит личность и творчество Леонида Андреева: все трое поддерживали тесные дружеские отношения. Впервые его имя упоминается в письме Измайлова Ясинскому от 19 сентября 1910 года — в связи с предстоящим чтением андреевской пьесы «Океан».⁴⁰ Наибольший интерес представляет обстоятельное письмо Ясинского от 8 декабря 1915 года, ставшее реакцией на фельетон Измайлова «Укус и желчь писательства», в котором критик теоретизировал о феномене литературного успеха.⁴¹ Рассуждая о славе Леонида Андреева и сопутствующих ей информационных шумах, спорах, ссорах, Измайлов подкреплял свои ана-

³¹ См.: РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 752. Л. 42.

³² См.: ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 392. Л. 56. Ср. запись от 28 февраля 1910 года в дневнике Фидлера: «Договорившись с Ясинским, нанес ему сегодня визит. <...> Он подарил мне письма Салтыкова, Гончарова, Чернышевского и других» (Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: Характеристики и суждения. С. 531).

³³ Из переписки Гончарова. Гончаров — Э. А. Центковская. 1882 / Вступ. статья и публ. Т. Г. Динесман // Лит. наследство. 2000. Т. 102. С. 564.

³⁴ См.: Ежемесячные сочинения. 1901. № 11. С. 187.

³⁵ См.: Измайлов А. Литературный Олимп. С. 400–401.

³⁶ См. в главе 32 «Романа моей жизни» «И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, П. Д. Боборыкин, Вс. Гаршин» (Ясинский И. И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний... 2010. Т. 1. С. 249–250), а также в очерке «Литературные воспоминания (1878–1882)» (Там же. Т. 2. С. 64–66) и в автобиографии 1913 года (Там же. С. 151–152).

³⁷ Там же. С. 165.

³⁸ Там же. С. 537.

³⁹ Подробнее об этом см.: Пильд Л. Литературная судьба и мемуары Иеронима Ясинского // Там же. Т. 1. С. 24–27.

⁴⁰ См.: РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 752. Л. 63.

⁴¹ См.: Измайлов А. А. Темы и парадоксы: Укус и желчь писательства // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 7 дек. № 15255. С. 2.

литические размышления различными примерами из истории литературы. В статью критик инкорпорировал разговор, состоявшийся между ним и известным в начале XX века прозаиком К. С. Баранцевичем: «Незадолго до андреевского спектакля один из маститых писателей в случайной беседе предложил мне объяснить, почему почти всякий без исключения автор, если, конечно, он не Толстой, переживает в своей жизни грань, когда он становится явно лишним и ненужным в литературе. Его чужаются редакции, в нем, по-видимому, не нуждается читатель, обозревателям интереснее писать о чем угодно, только не о нем. Всегда ли дело только в том, что он устал и исписался? Не в том ли еще, что идеи и формы изнашиваются, как перчатки и ботинки, и их надо менять, чтобы быть принятым в общество. „Ведь, может быть, меня прочитали бы и даже похвалили, если бы я в свои 65 лет напечатался под псевдонимом“». ⁴² Ясинский принял эти рассуждения на свой счет и направил Измайлову большое исповедальное письмо, в котором разъяснил свою позицию о месте писателя в литературном процессе и роли критиков в становлении писательского мастерства, а также дал оценку феномену популярности Андреева. ⁴³ Ссылаясь на собственный опыт, он отметил, что Леонид Андреев должен пережить период увлечения «мелкими вещами», вызывающими осуждение и насмешки критики, и вступить в новую, наиболее яркую («Я жду от лампы Андреева пожара!»), фазу развития своего таланта.

Данные рассуждения позволяют проследить трансформацию позиции Ясинского после принятия власти большевиков и активного включения в жизнь нового государства. В главе «Леонид Андреев» «Романа моей жизни», в целом отдавая должное таланту писателя и не забывая о собственной роли в успехе Андреева, ⁴⁴ Ясинский сделал акцент на его «буржуазности» в духе оценок марксистской критики. Подобная переориентация не осталась без внимания современников и вызвала возмущение. Так, Ю. И. Айхенвальд в рецензии на первое издание мемуаров иронически отмечал: «Леониду Андрееву приписывает Иероним Ясинский „философский обобщающий ум, положим, мрачного направления“ и только упрекает его в „лжепатриотизме“ <...> Но так как <...> „коммунистическая партия великодушна“, то „можно не сомневаться, что Андреев... не будет отвергнут, и советская история литературы помянет его и добрым словом“». ⁴⁵

Из сюжетов литературной жизни 1910-х годов, затронутых в переписке, стоит упомянуть деятельность организованного при непосредственном участии Ясинского литературно-художественного общества «Страда». ⁴⁶ Оно возникло осенью 1915 года (учредительное собрание состоялось 17 октября) и просуществовало до 1917 года. Идея создания «Страды» принадлежала С. М. Городецкому, целью объединения было всестороннее содействие развитию и процветанию народной литературы. Председателем общества был избран И. И. Ясинский, сформулировавший ряд принципов и задач этой литературной группы. Предполагалось, что общество будет защищать «чисто художественные, поэтические явления от тех или других чересчур стеснительных направленных рамок и посягательств тенденциозной цензуры», «приходить на помощь начинающим талантам, молодым и свежим дарованиям, теснимым устарелыми литературными программами, прокрустовыми ложами журналов, коммерческими соображениями современных

⁴² Там же.

⁴³ См.: ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 392. Л. 23–28; Александров А. С. Переписка А. А. Измайлова и И. И. Ясинского (1915–1916 гг.). С. 384–385.

⁴⁴ Так, в рецензии на книгу Андреева «Рассказы» (СПб., 1901) Ясинский писал: «В лице Леонида Андреева русская изящная словесность приобретает выдающуюся силу. Род литературы, избранный или открытый им, едва ли требует для своего выражения широких рамок романа. Это миниатюрная психология. Автор работает при помощи скальпеля и микроскопа, и он прав, что обратил свое внимание на эту сторону. Область необъятного под микроскопом гораздо менее исследована в беллетристике» (Ежемесячные сочинения. 1901. № 12. С. 384).

⁴⁵ Цит. по: Айхенвальд Ю. И. Посмертная книга // Ясинский И. И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний... 2010. Т. 2. С. 193. Впервые: Руль (Берлин). 1926. 8 сент. № 1753.

⁴⁶ См.: Вдовин В. А. Есенин и литературно-художественное общество «Страда» // Есенин и русская поэзия. Л., 1967. С. 171–194; Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. М., 2004. С. 233–234.

издателей».⁴⁷ В первом сборнике (всего удалось выпустить два) было также заявлено: «Мы преследуем исключительно литературные цели. Служение народной словесности — наша главнейшая задача как неизбежной основы русской общественности в ее развивающихся и совершенствующихся формах выявления».⁴⁸ Не успело литературно-художественное общество начать деятельность, как в рядах организаторов назрел конфликт, в результате которого один из вдохновителей этого объединения С. М. Городецкий был вынужден сложить с себя обязанности товарища председателя. Вакантное место Ясинский предложил занять Измайлову, который с благодарностью откликнулся. Однако и Измайлов недолго пробыл в этом качестве. В апреле 1916 года в жизни критика случилась резкая перемена: он занял пост редактора газеты «Петроградский листок», покинув «Биржевые ведомости», в которых проработал без малого восемнадцать лет. Измайлов устранился от дел литературно-художественного общества «Страда» и в письме от 16 апреля 1916 года уведомил о своем решении старшего коллегу.⁴⁹

С этого момента в эпистолярном диалоге литераторов появляются вопросы, связанные с работой Измайлова в новой должности. Он приложил немало усилий к преобразованию «уличного и шантажного» «Листка». Имея большие связи в литературных кругах, обращался ко многим известным литераторам с просьбой о сотрудничестве. Не все откликнулись на зов новоиспеченного редактора, Ясинский же с энтузиазмом принял приглашение коллеги. При этом крупные вещи он старался пристроить в солидные издания. Так, планируя опубликовать в «Биржевых ведомостях» свой цикл стихотворений «Отблески Ницше» и обращаясь в связи с этим к их редактору Волынскому 18 января 1917 года, Ясинский отметил: «Кстати, в моем портфеле лежат романы. Неужели печатать их в „Петербургском листке“, кстати, единственной газете, в которой главный редактор настоящий литератор».⁵⁰

Тем не менее впоследствии он участвовал в праздничных номерах «Петроградского листка», а также в коллективных опросах газеты, в том числе о летнем отдыхе писателей. Заканчивается переписка 1916 года деловым обсуждением традиционного рождественского номера. Это последний праздничный выпуск, который можно было готовить в относительно спокойной деловой обстановке. Рождественский номер 1917 года собирался уже в условиях революционной действительности, когда праздник, имеющий глубокую мировую и отечественную традицию, был упразднен одним из декретов советской власти.

Закономерно, что в переписке 1914–1917 годов затрагивалась военная тема. Так, 14 декабря 1914 года Измайлов обратился к Ясинскому: «Редакция „Биржевых ведомостей“, желая помочь читателям суждениями выдающихся умов современности в настоящий тяжелый день, имеет честь покорнейше просить Вас не отказать ей в участии в анкете на тему: есть ли достаточные основания считать нынешнее Рождество последним кровавым рождеством для человечества».⁵¹ А весной 1916 года пригласил его принять участие в праздничных пасхальных номерах сначала в «Биржевых ведомостях», и затем в «Петроградском листке». В обоих приглашениях Измайлов делал примечание: «избегаем войны» — свидетельство накопившейся усталости от сводок с фронта и все возрастающего разочарования, которое пришло на смену захлестнувшему периодическую печать в 1914–1915 годах ура-патриотическому угару. Оба литератора заняли активную гражданскую позицию, что выразилось в их участии в различных общественных организациях, оказывавших помощь действующей армии, в частности в таких, как «Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам», «Комиссия по организации отправки вещей в действующую армию», «Петроградский областной ко-

⁴⁷ ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 1. Ед. хр. 441. Л. 1.

⁴⁸ См.: Страда: Литературный сб. Пг.: А. Д. Семеновский, 1916. Кн. 1. С. 7.

⁴⁹ См.: РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 752. Л. 34; Александров А. С. Переписка А. А. Измайлова и И. И. Ясинского (1915–1916 гг.). С. 390.

⁵⁰ ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. № 45. Л. 1–11. Ясинский высоко оценил преобразования Измайлова и в своих воспоминаниях: «Перед самой революцией Измайлов сделался редактором „Петербургского листка“, и в литературном отношении он придал ему характер весьма порядочной газеты» (Ясинский И. И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний... 2010. Т. 1. С. 538).

⁵¹ РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 752. Л. 16. На бланке газеты «Биржевые ведомости».

митет». В мартовском письме 1916 года Измайлов пригласил Ясинского принять участие в благотворительной лотерее «Союза городов» в пользу солдат. Розыгрыш состоялся 24 марта 1916 года в оперном зале Народного дома в Петрограде. В организации этого благотворительного мероприятия Измайлов принял деятельное участие.⁵²

Один из наиболее выразительных блоков переписки охватывает период Февральской и Октябрьской революций 1917 года. Измайлов неоднократно просил Ясинского «высказаться по поводу переживаемого Россией момента»,⁵³ и в августе тот откликнулся на приглашение «Петроградского листка» ответить на анкету «Русские люди о революции». Сама анкета была сопровождается предисловием: «Газета не есть „парламент мнений“. Но единственный ее отдел — отдел опроса известных людей (анкета) приближается к парламенту, и здесь редакция считает себя обязанной дать место всякому свободному суждению, даже если оно расходится с ее идейной программой».⁵⁴ Впоследствии Ясинский неоднократно подчеркивал, что уже тогда высказал свое сочувствие партии большевиков и оправдывал их политику насилия.⁵⁵ Однако в реальности он отозвался о переживаемом Россией моменте следующим образом: «Государственный переворот был принят за революцию, и в этом ошибочном представлении всячески старались утвердить народ, слепо веривший своим взглядам. Но мало-помалу революционная маска стала спадать с государственного переворота, и отсюда антагонизм и вражда между народом собственно и господствующими классами. Боюсь, что кончится нехорошо. Государственный переворот — значит удачный бунт, переселившийся царей в Сибирь, а тех, кто с ними сражался, водворивший в Зимнем дворце; причем в государстве все осталось, можно сказать, по-старому: та же бессмысленная война, те же международные договоры (неизвестно какие), те же Кресты и политические аресты, та же охранка и запрещения газет и даже смертная казнь. А революция значит — мир, довольство, свобода личности и слова и равенство. Увы! Революция была погашена в первые же дни. <...> Не сегодня — завтра мы обанкротимся, и тем не менее дух безумия веет над Россией, и, изнемогая в жестокой неволе нужды, мы даже молодых девушек бросаем с налитыми кровью глазами в жертву современному Молоху в его союзе с Марсом». Завершил же свои рассуждения горьким сожалением: «Разумеется, политики, строящие жизнь или, вернее, разрушающие ее железом и кровью, казнями и террором, пожмут плечами, пробежав юбилейные мысли старого пацифиста, набрасывающего эти строки».⁵⁶

⁵² Ср. запись Ф. Ф. Фидлера от 28 марта 1916 года: «24-го Измайлов попросил меня прийти в Союз городов и принять участие в проведении лотереи в пользу солдат. Там я говорил с ним не более минуты: он весь был поглощен регистрацией пожертвованных книг — работой, которую мог бы выполнить любой мало-мальски умеющий читать и писать» (*Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: Характеристики и суждения.* С. 683).

⁵³ См., например, мартовское письмо 1917 года: РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 752. Л. 18.

⁵⁴ Петроградский листок. 1917. 27 авг. № 206. С. 2.

⁵⁵ В автобиографии 1920 года для Второго городского района РКП(б) Ясинский ошибочно указал на существование отдельного примечания к своему ответу: «В „Петербургском листке“ под редакцией Измайлова в августе 1917 г. мне удалось напечатать статью и в ней определенно высказать свое сочувствие большевикам и осуждение политики Керенского; статью эту редакция снабдила примечанием, что сотрудники газеты не согласны со мною» (цит. по: *Ясинский И. И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний... 2010. Т. 2. С. 169*). Аналогичная интерпретация представлена в «Романе моей жизни»: «Когда по поводу шестимесячной годовщины нашей Февральской революции Измайлов стал печатать мнения, более или менее восхваляющие мещанский социализм Керенского и его сподвижников, я тоже дал Измайлову, в ответ на одно обращение ко мне, статью и в ней высказал отрицательное отношение к политике народников, эсеров, кадетов и меньшевиков и подчеркнул подозрительное поведение Корнилова, между тем как поведение большевиков выставлял единственно правильным и лозунги их единственно приемлемыми. Измайлов был настолько литературен, что напечатал мое письмо, урезав в нем одно только резкое слово, но сопроводил письмо примечанием от себя, что за содержание его редактор не отвечает, не разделяя моих взглядов» (Там же. Т. 1. С. 538). На самом деле в письме Измайлову, сопровождающем ответ на анкету, Ясинский лишь высказал предположение, что редакция захочет как-либо прокомментировать его текст (см.: ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 392. Л. 45).

⁵⁶ Петроградский листок. 1917. 27 авг. № 206. С. 2.

Несмотря на то, что после Октябрьского переворота литераторы заняли абсолютно разные позиции по отношению к власти большевиков, они сохранили дружеские отношения и продолжили обсуждение литературных дел и политических событий. Открывается данный период их эпистолярного общения пространным письмом-исповедью Ясинского «О большевиках, о сверхчеловеке и жабах», в котором он подробно обосновал готовность принять новую российскую действительность и найти в ней свое место.⁵⁷ Отметив собственную изначально аполитичность и нежелание входить в какие-либо партии, Ясинский последовательно изобразил свой путь к принятию большевистской идеологии, в частности через увлечение идеями анархизма и ницшеанство, и сделал акцент на том, что его сотрудничество с нынешним правительством никак не связано с желанием приспособиться к текущей ситуации, упомянув, что еще в августе 1917 года, до победы большевиков, выразил им симпатию в ответах на анкету газеты «Петроградский листок», поскольку его взгляды не совпадали с программой какой бы то ни было другой политической партии. Он также напомнил Измайлову, что именно благодаря его редакторской деятельности второе (рассчитанное на провинциального читателя) издание газеты «Биржевые ведомости» приобрело истинно «демократический дух».

Оправдательный тон письма, несомненно, был вызван многочисленными обвинениями в приспособленчестве, аморализме и двурушничестве, выдвинутыми против Ясинского в левой российской печати. Поводом для этих обвинений послужили упомянутая в письме статья А. В. Луначарского «Сретение», в которой описан визит Ясинского в Зимний дворец, и выступление писателя с лекцией о философии Ницше перед революционными матросами в Кронштадте.⁵⁸

Подробное объяснение своей послереволюционной позиции в письме Измайлову Ясинский едва ли не дословно использовал в 103-й главе «Романа моей жизни».⁵⁹

Острый политический пафос полностью исчез в письмах, в которых Измайлов и Ясинский делились своими переживаниями и бытовыми проблемами в тяжелое послереволюционное время. Так, 17 июня 1919 года Ясинский писал из Кронштадта:

«Дорогой и милый Александр Алексеевич, Вы и не подозреваете, как обрадовало меня Ваше чудесное письмо. Я даже заплакал. Со времени смерти Клавушки⁶⁰ я, впрочем, часто плачу: горе мое горит, да и старость слезлива. Неправда, будто старики черствы. Скорее моя молодость была черства. От Коринфского я тоже получил хорошие строки. Ах, славный Александр Алексеевич, как хочется Вас! Да, да, приезжайте 28 июня. Это придется в субботу — ту. По субботам рано кончаются занятия, я же и во все не пойду. Переночуйте у меня. Авось голодны не будете. Хороший друг! Не забудьте. А не захотите ночевать — пароходы есть — до 11 часов, от Летнего Сада и до Приморского вокзала. Целую Вас! Иер. Ясинский».⁶¹

⁵⁷ См.: ИРЛИ. Ф. 155. Оп. 3. Ед. хр. 392. Л. 91–92.

⁵⁸ Луначарский А. Сретение // Известия. 1917. 17 нояб. С. 3. В статье под тем же названием «Сретение», подписанной псевдонимом Лео, приведено стихотворение, последняя строфа которого звучит так: «И вот, бывой порнограф штатский, / Ведомый знаменем одним, / Теперь угодник ты Кронштадтский, / О, большевик Иероним!» (Дело народа. 1917. 21 нояб. № 215). Ср. также в статье И. Осеньева «Салон»: «У большевиков свои лейб-поэты и лейб-литераторы, — такова судьба всякого победителя. <...> Сегодня лагерь большевистских поэтов увеличен еще одним. В Кронштадте выступает с лекциями небезызвестный романист И. И. Ясинский (Максим Белинский), бывший редактор „Биржевых ведомостей“ и журнала, издающегося при нем, „Новое слово“. Что за фигура Ясинский — лучше всего характеризует известное письмо группы литераторов, во главе с Горьким, отказавшихся сотрудничать в журнале, в котором принимает участие „черносотенец“ Ясинский. Салон г-жи Коллонтай может похвастаться: он не уступает салону гр. Игнатьевой. Распутин, где ты?!» (Вечер. 1917. 17 (30) нояб. № 7).

⁵⁹ См.: Ясинский И. И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний... 2010. Т. 1. С. 698–703.

⁶⁰ Жена Ясинского, Клавдия Ивановна Степанова, скончалась 21 сентября 1918 года.

⁶¹ ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 392. Л. 86. Ср. также описание встреч Измайлова и Ясинского в «Романе моей жизни» (Ясинский И. И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний... 2010. Т. 1. С. 539–541).

В своем последнем письме от 3 декабря 1920 года Измайлов поблагодарил Ясинского за содействие его публикации в журнале «Пламя»: «Душевно Вас благодарю, дорогой Иероним Иеронимович. Так дорого и Ваше внимание и ласковость, и так необычно-радостно увидеть свою строку после трех лет поста! Непременно приду к Вам. Но мало рассчитываю на ночевку. Я приобрел тяжелую и подлую болезнь сердца. Ложная грудная жаба на почве невроза. Вероятно, Вы знаете, что это такое. Человека душит при движении, как если бы кто схватил его за грудь и горло. Огневая боль. Вчера — ровно 2 месяца, как она меня не покидает. А ходить необходимо. Иду и останавливаюсь после 100 шагов, а самому холодно. Проклятие!»⁶²

По свидетельству В. В. Смиренского, Ясинский был среди немногочисленных участников похорон Измайлова, состоявшихся 19 марта 1921 года.⁶³

Некрологическая заметка И. И. Ясинского «Памяти Александра Алексеевича Измайлова» публикуется по машинописи с авторской правкой, хранящейся в его личном фонде в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 248. Л. 1–6).

ПРИЛОЖЕНИЕ

И. И. Ясинский

Памяти Александра Алексеевича Измайлова

Мне, на восьмом десятке лет, меньше всего можно было ожидать, что я, переживая Александра Алексеевича, в состоянии еще буду написать о нем несколько поминальных строк. Около тридцати лет я был знаком с ним; был дружен с ним; до последнего времени почти каждый день видался с ним. По внешности он казался мне неизменным: все такой же молодой и солидный, светлый, отзывчивый, глубоко просвещенный и начитанный, на редкость литературный, добрый, и, я бы сказал, целомудренный в лучшем смысле этого слова...

И вдруг опустилась костлявая рука смерти, и из нашей, и без того крайне поредевшей, семьи внезапно выхватила этого превосходнейшего человека с кристальной душой. Еще на днях я его видел, жал ему руку, любовался его литературной ненасытностью, его чарующей дружеской улыбкой... И уже нет его. И по гробовой крышке его глухо стучат комья земли!

Мы потеряли в Измайлове, однако, не только великолепного человека, но выдающуюся, пожалуй, даже огромную литературную силу. Поразительная скромность покойного писателя, конечно, не могла не повлиять и на излишнюю скромность признанного за ним, при его жизни, литературного значения. Он никогда не выставлялся, не оригинальничал, был застенчив, почти робок. Родился и работал он на переломе нашего литературного сознания, во время тех литературных сумерек, которые воспел Чехов и которые прошли через критический анализ и самого Измайлова. Во всяком случае следует согласиться со мною, что литературные сумерки, которыми закончился последний дореволюционный период нашего литературно-общественного развития, ни одним другим критиком не был<и> так подробно изучен<ы> и объяснен<ы>, как Александром Алексеевичем. А известная книга его о Чехове¹ представляет собою работу, поистине, монументальную, и можно удивляться, что автор не был за этот труд сделан членом Академии наук. Не умеют у нас ценить людей.

А что Александр Алексеевич был не только выразителем и комментатором наших литературных сумерек, но и вообще одним из немногих русских критиков, на деятельности

⁶² ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. Ед. хр. 310. Л. 3–4.

⁶³ *Скорбный Андрей* [Смиренский В. В.]. Александр Алексеевич Измайлов. Пб., 1922. С. 20.

которых историк русской литературы, несомненно, остановится с пристальным вниманием, покажет будущее — надеюсь, близкое. Ибо уже наступает время итогов.

Распространено мнение, будто нет ничего легче критики. Да. Легка плохая критика, но хорошая критика, на самом деле, еще «труднее» хорошей беллетристики. Разве много было у нас критиков?

Именами выдающихся беллетристов можно исписать целую страницу. А критиков раз-два и обчелся. Кого из критиков читают? Белинского, Добролюбова, Писарева, Чернышевского — и то не все, тома Михайловского — и тоже далеко не все. А Измайлова читают и будут читать. В нем жил и останется жить в его критических произведениях глубокий литературный темперамент, и сколько таланта в его статьях, книгах, в каждой его любовно обточенной и огнем любви и понимания согретой литературной фразе!

Еще слишком свежа могила Александра Алексеевича, еще слеза набегаёт на глаза и застилает строки... Еще трудно сказать то настоящее, что хотелось бы посвятить памяти нашего друга. Александру Алексеевичу надо было бы воздвигнуть первым делом даже и не такой памятник, как литературная панихида: надо было бы издать все его сочинения... Какого другого бессмертия, более действительного и яркого, достоин русский писатель?

Прости, дорогой Александр Алексеевич, благородный и незабвенный друг, достойнейший из достойных, что мы пока бессильны исполнить этот священный долг русского общества.²

¹ Имеется в виду издание: *Измайлов А. А. Чехов. 1860–1904: Биографический набросок*. М.: Тип. Т<оварищес>тва И. Д. Сытина, 1916.

² Последний абзац перечеркнут. Слева на полях вписано: «Биографию Измайлова следовало бы написать и издать».

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-168-173

© Н. Ю. Грякалова

К РАЗРЕШЕНИЮ ОДНОГО ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО КАЗУСА (НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО А. А. БЛОКА К Д. Н. ФРИДБЕРГУ)

В девятой записной книжке А. А. Блока (сентябрь–октябрь 1904 года), на развороте л. 12 об. и 13, находится следующий стихотворный набросок:

Веселимся, кружимся,
Хороводом тешимся —

Мальчики да девочки,
Ясные звездочки.¹

Красное солнце!
Глянь-ка в оконце!

¹ Первоначально набросок начинался с незавершенного варианта двустишия: «Девочки, мальчики, / Ясные звездочки. // Кружимся». Инициальные строки, оставшись таковыми, позже перейдут в стихотворение «Вербочки» (1–10 февраля 1906): «Мальчики да девочки, / Све- чечки да вербочки / Понесли домой» (*Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 2. С. 73*; далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы).